

A photograph of a person walking away on a path through a forest in autumn. The path is covered in fallen yellow and orange leaves. Tall birch trees with white bark and dark lenticels line the path. The background is filled with more trees, some with yellow leaves and others that are evergreen. The overall atmosphere is misty and serene.

Сергей (Вождь)

Тени у ОКОЛИЦЫ

Сергей (Вождь)

Тени у околицы

«Автор»

2026

(Вождь) С. П.

Тени у околицы / С. П. (Вождь) — «Автор», 2026

Шелест листьев, шёпот ветра, знаки на коре старых деревьев — в этой истории лес дышит, помнит и ждёт, пока люди вспомнят, что они не хозяева, а соседи. Забытые ритуалы, берестяная книга мудрости, серебряный мох как знак доверия — шаг за шагом деревня восстанавливает связь с лесом. Юный Гришка проходит испытание, чтобы стать новым хранителем, а Марфа передаёт ему не просто знания, а умение слушать сердцем. Сказка-притча о том, как уважение и память возвращают гармонию в мир.

© (Вождь) С. П., 2026

© Автор, 2026

Сергей (Вождь)

Тени у околицы

Глава 1. Пропажа

Деревня Глухомань стояла на краю густого леса, куда даже в полдень не проникал солнечный свет. Деревья там сплелись ветвями так плотно, что казалось, будто они нарочно заслоняют небо, оберегая свои тайны от чужих глаз. Их стволы, искривлённые и узловатые, напоминали сторбленные фигуры древних стражей, а мох свисал с сучьев, как седые бороды старцев, помнящих времена, когда люди ещё умели говорить с лесом. Ветви скрипели на ветру, словно переговаривались между собой — глухо, предостерегающе.

Осень в тот год выдалась особенно зловещей. Туманы цеплялись за крыши изб, словно щупальца неведомого чудовища, а ветер носил по улицам опавшие листья — чёрные, скрученные, будто опалённые невидимым огнём. Даже запах изменился: вместо привычного аромата сена и печного дыма в воздухе витал гнилостный привкус, будто где-то рядом начало разлагаться что-то большое — не просто зверь, а само время.

Всё началось с пропажи кошки старосты — рыжей Мурки, любимицы всей деревни. Она исчезла вечером, когда сумерки уже сгустились над крышами, и лишь редкие огни в окнах напоминали о жизни. Дети, игравшие у колодца, клялись, что видели, как она вдруг замерла посреди дороги, уставившись в лес, а потом бросилась туда, будто её позвали. При этом, по словам ребятишек, она не мяукала — а издала короткий, странный звук, больше похожий на человеческий вздох, от которого у всех по спине пробежал холодок.

Её нашли на следующий день у околицы. Тело лежало неестественно ровно, будто его аккуратно положили, а не бросили. Шерсть встала дыбом, глаза остекленели, зрачки расширились так, что радужки почти не было видно — словно она увидела нечто, что невозможно осознать. Но страшнее всего было другое: вокруг тела на сырой земле отпечатались следы — не кошачьи, не человеческие, а какие-то странные, будто кто-то ходил на трёх ногах, оставляя глубокие вмятины с неровными краями. Следы вели от леса к телу, а затем обрывались, словно существо поднялось в воздух или растворилось в тумане. Возле самой кошки земля была перепачкана чем-то тёмным — не то грязью, не то высохшей кровью, но запах от неё шёл сладковатый и тошнотворный, будто гниющие цветы.

Старики переглядывались и шептали: «Не к добру». Они помнили старые рассказы о том, как лес забирает то, что ему приглянется, и как иногда возвращает — но уже изменённым. «Он метку ставит, — бормотал дед Еремей, крестясь и дрожащей рукой осеняя себя крестом. — Кто отмечен — тот уже не свой. И будет ходить меж нами, а душа его — там, в чаще».

Вскоре дети стали жаловаться, что по ночам кто-то скребётся в ставни — тихо, настойчиво, будто коготь за что-то цепляется, царапая дерево. А потом они начали рассказывать, что кто-то шепчет их имена — негромко, ласково, но от этого становилось ещё страшнее, потому что голос звучал так, будто знал все их страхи и мечты.

— Мам, он назвал меня по имени, — всхлипывала пятилетняя Настенька, дрожа под одеялом так, что оно ходуном ходило. — Он шептал: «Настенька... иди сюда... я покажу тебе что-то красивое...» Голос был мягкий, почти материнский, но в нём слышалось что-то нечело-

веческое — будто слова складывались из звуков, которых в человеческой речи быть не должно: шипение, треск, далёкий вой.

Мать перекрестила её трижды, прошептала осторожное слово, но ночью сама не могла уснуть. Ей казалось, что за окном кто-то дышит — тяжело, прерывисто, с хрипом, будто лёгкие давно не работали, а теперь пытались вспомнить, как это делается. Иногда к дыханию примешивался тихий смех — не весёлый, а какой-то скрипучий, как несмазанная дверь, открывающаяся в иной мир. А когда она осмелилась приоткрыть ставень, то увидела, что туман перед домом клубится не так, как обычно: он двигался против ветра, образуя завихрения, напоминающие лица — то старухи, то ребёнка, то зверя с горящими глазами.

Взрослые отмахивались: «Сонный бред, вот и всё». Но староста Пётр Ильич, проходя мимо околицы на рассвете, заметил, что трава вдоль дороги примята, будто по ней тащили что-то тяжёлое — не мешок, а что-то живое, сопротивляющееся. А на стволе старой берёзы, росшей у края леса, кто-то вырезал странный знак — круг с тремя точками внутри. Староста знал, что такой знак оставляли в старину, чтобы отметить место, где лес заметил человека, выбрал его для какой-то своей цели. И теперь этот знак был вырезан прямо напротив его дома, словно предупреждение.

Той же ночью Пётр Ильич проснулся от странного ощущения, будто кто-то смотрит на него из темноты — не просто смотрит, а изучает, запоминает каждую черту лица. Он сел на кровати и прислушался. За окном не было ни звука — даже сверчки замолчали, будто их кто-то заставил умолкнуть. Но в углу комнаты, где висела икона Богородицы с младенцем, дрожал слабый отблеск, будто от далёкого огня, мерцающего за пределами мира. Староста зажёл лампу и подошёл ближе. На стекле иконы проступили капли влаги, складываясь в тот самый знак — круг с тремя точками, будто кто-то рисовал их изнутри.

Он вытер стекло тряпкой, но на утро обнаружил, что знак появился снова — теперь уже на деревянной раме, будто прожжённый раскалённым железом. Древесина потемнела, но не обуглилась — словно сам материал изменил свою суть.

А утром в деревне заметили, что все петухи онемели. Они открывали клювы, хлопали крыльями, но не издавали ни звука — только безмолвно раскрывали клювы, как рыбы на берегу. На заборе у избы Марфы кто-то выцарапал тот же знак — круг и три точки, — а рядом лежали перья, будто птицу разорвали на части, но крови нигде не было, только сырой, затхлый запах поднимался от земли, будто под ней что-то шевелилось, но не решалось выйти наружу. И над лесом, который и так никогда не казался светлым, повисла такая густая тишина, что она давила на уши, словно предвестие чего-то неизбежного. Даже ветер стих, и листья замерли в воздухе на мгновение, прежде чем опасть, будто сама природа затаила дыхание в ожидании.

Глава 2. Предупреждение

В ночь на Покров луна висела низко над деревней — огромная, багровая, будто налитая кровью. Она отбрасывала не серебристый, а красноватый свет, окрашивавший крыши изб в цвет запекшейся раны. Туман, который и так не рассеивался в Глухомани, стал гуще: он клубился между избами, обвивал ноги прохожих, цеплялся за одежду, словно пытался задержать, шептал что-то в уши, но слов не разобрать. В воздухе стоял запах сырости и чего-то ещё — затхлого, древнего, будто сама земля выдохнула дыхание давно забытых времён, когда люди и духи жили рядом. Где-то вдалеке, за лесом, глухо и протяжно ухала сова — не один раз, а ровно девять, как будто отсчитывала что-то: девять жизней, девять лет, девять шагов до беды.

Бабушка Марфа, сгорбленная и седая, с глазами, похожими на два тёмных колодца, собрала односельчан у старого колодца — того самого, что стоял на краю деревни, почти у опушки леса. Она пришла первой, молча встала у края, опираясь на клюку, и ждала. Люди подходили поодиночке, перешёптывались, кутались в тулупы — несмотря на осень, холод пробирал до костей, а изо рта шёл пар, хотя днём было тепло. В толпе переминались с ноги на ногу дети, шёпотом делились догадками старики, хмуро оглядывались по сторонам мужчины.

— Это леший гневается, — хрипло сказала она, когда все собрались. Голос её звучал так, будто доносился из глубины колодца, с далёких глубин, где не бывает света, где вода помнит всё, что в неё упало. — Забыли мы обычаи: ни подношения у опушки, ни слов уважительных, когда в лес идём. А он не любит, когда его забывают. Он помнит, кто когда зашёл без спросу, кто ветку сломал без извинения, кто гриб сорвал, не поклонившись.

Марфа подняла клюку и указала на лес. Ветви деревьев в свете луны казались когтистыми лапами, тянущимися к деревне. Листья шелестели, складываясь в слова, которые никто не мог разобрать, но от этого становилось ещё страшнее — будто кто-то шептал прямо в ухо, а ты не можешь понять, что он говорит.

— В старину, — продолжала она, — люди знали: прежде чем войти в лес, нужно остановиться у опушки. Положить краюху хлеба, ложку мёда, красную ленту — всё, что дорого. И сказать: «Хозяин лесной, позволь пройти, не тронь, не пугай, путь укажи». А если не скажешь — он тебя заметит. И запомнит. И будет следить.

Староста Пётр Ильич сжал кулаки. Он вспомнил знак на берёзе у своего дома — круг с тремя точками. Тот же знак он видел на стекле иконы. Вспомнил, как ночью кто-то скребётся в ставни, как дети шепчут, что их зовут по именам.

— А если уже поздно? — спросил он глухо, и голос его дрогнул.

Марфа медленно повернулась к нему. Её глаза сверкнули в темноте — не отражённым светом луны, а каким-то внутренним, холодным огнём, будто в них отражалась сама древняя сила леса.

— Тогда он начнёт звать. Сначала — тихо, шёпотом, будто ветер в листве. Потом — по именам, ласково, так, что сердце зайдётся от радости и страха. Потом — во сне. И если откликнешься хоть раз, он узнает, что ты его слышишь. И придёт за тобой. Не сразу, но придёт.

Кто-то из женщин всхлипнул. Дети, которых привели с собой, жались к матерям и испуганно озирались. Им казалось, что из тумана за ними наблюдают чьи-то глаза — не два, а много, мерцающие, как светляки, но не зелёные, а жёлтые, звериные. Пятилетний Гришка вдруг указал пальцем в сторону леса и прошептал:

— Там дядя стоит... Он машет мне... И улыбается. Но улыбка у него странная, будто не его.

Все обернулись. В тумане действительно виднелась высокая фигура — сгорбленная, с длинными руками, свисающими почти до земли. Она покачивалась, будто танцевала, и манила

пальцем. Но когда люди сделали шаг вперёд, она растаяла, оставив после себя лишь запах гниющих листьев и сырой земли, да ещё слабый звук — будто кто-то вздохнул с досадой.

— Но это ещё не самое страшное, — прошептала Марфа, и голос её стал совсем тихим, почти неслышным. — Лес — он живой. Он помнит. И если долго не давать ему даров, он вспомнит, что когда-то ему принадлежало. И захочет вернуть. Не просто так, а по праву.

В этот момент из леса донёсся звук — не то скрип, не то стон, будто дерево ломалось под тяжестью чего-то огромного, или кто-то огромный шагал между стволами. Все вздрогнули. Туман у опушки заколебался, и на мгновение в нём проступили силуэты — высокие, сторбленные, с длинными руками. Они стояли и смотрели, не двигаясь. Но когда люди моргнули, видение исчезло, только листья зашелестели сильнее, будто те, кто там был, отходили вглубь чащи.

— Он уже здесь, — выдохнула Марфа. — И он знает, что мы говорим о нём. Он слышит каждое слово.

Пётр Ильич почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Он обернулся к деревне — и замер. На крышах изб, на заборах, на стволах старых яблонь в садах — везде были вырезаны знаки. Круг и три точки. Много, много знаков. Как будто кто-то ходил ночью по деревне и метил каждый дом, каждую дверь, каждое окно. И на каждом знаке виднелись капли чего-то тёмного — не то смолы, не то высохшей крови, а может, сока старого дуба, что помнит все клятвы.

Одна из женщин, Марья, вдруг закричала и указала на колодец. На поверхности воды, гладкой, как зеркало, появились круги. Они расходились от центра, но не так, как от брошенного камня. Они складывались в узор — тот же самый знак: круг и три точки. Вода в колодце потемнела, стала почти чёрной. И в ней, на мгновение, отразилось что-то — огромная тень с множеством рук, протянувшихся к деревне, будто хотела схватить её целиком. Кто-то ахнул, кто-то перекрестился, кто-то начал шептать обережные слова.

Марфа перекрестилась и резко накрыла колодец крышкой. Затем достала из-за пазухи мешочек с сухими травами — зверобоем, полынью и чабрецом, — бросила щепотку на крышку и прошептала заговор. Воздух вокруг колодца дрогнул, будто от удара невидимого кулака, и туман отпрянул, как живое существо.

— Пора действовать, — сказала она твёрдо, и в голосе её зазвучала прежняя сила. — Если хотим спасти деревню, нужно сделать всё по правилам. И не только лешему. Есть и другие, кто ждёт даров. Те, кого мы забыли. Навьи. Духи забытых предков. Они тоже хотят, чтобы их помнили. И если не принести им жертву до первого снега, они выйдут из-за границы мира и заберут то, что считают своим. Не по злобе, а по праву. Потому что мы перестали их чтить.

Люди переглянулись. В их глазах читался страх — но теперь к нему примешалось и понимание. Что-то древнее, дремавшее в земле, пробудилось. И оно не успокоится, пока не получит то, что считает своим. Ветер вдруг стих, и в наступившей тишине все отчётливо услышали, как где-то в лесу кто-то медленно хлопает в ладоши — раз, другой, третий... Будто отсчитывает время до чего-то неизбежного.

Глава 3. Жертва

Наутро после собрания у колодца деревня проснулась в тревожной тишине. Не пели птицы, не лаяли собаки, даже ветер не шелестел листьями — всё будто замерло в ожидании

чего-то неизбежного. Туман, который обычно рассеивался к полудню, теперь только густел, окутывая избы плотным серым покрывалом. Он стелился по земле, обвивал ноги, цеплялся за подол одежды, будто пытался задержать, не пустить дальше.

Староста Пётр Ильич собрал самых крепких мужиков: кузнеца Игната, лесника Трофима и молодого Гришку — того самого, что видел ночью фигуру в тумане. Они решили принести жертву, как велела Марфа: положить дары у опушки и произнести нужные слова.

— Хлеб, мёд и красную ленту, — напоминал староста, раскладывая припасы в холщовую сумку. — И говорить чётко, уважительно. Марфа сказала: если ошибёмся в словах — будет хуже.

Трофим хмуро кивнул:

— Я в лесу тридцать лет хожу, но такого не видел. Деревья... Они будто следят за нами. Вчера дуб, что у тропы стоит, — а сегодня его нет. А на его месте яма глубокая, и корни наружу торчат, будто его вырвали с корнем. И ещё... — он понизил голос, — ночью я слышал, как кто-то ходит вокруг избы. Шаги тяжёлые, неровные. Два коротких, один длинный. Будто на трёх ногах.

Когда они подошли к опушке, туман стал ещё гуще — он клубился у ног, цеплялся за сапоги, словно не хотел пускаться дальше. Воздух наполнился запахом прелой листвы и чего-то сладковатого, тошнотворного — будто где-то рядом гнил мёд, пропитавшись сыростью и плесенью. А ещё слышался слабый, почти неуловимый звук — будто кто-то тихо напевал без слов, монотонно и бесконечно, словно убаюкивал лес.

Они остановились у границы леса. Пётр Ильич достал краюху ржаного хлеба, ложку мёда в деревянной чаше и красную ленту — ту самую, что когда-то носила его мать. Дрожащими руками он положил дары на плоский камень у тропы.

— Хозяин лесной, — произнёс староста громко и чётко, — прими наше подношение. Позволь нам жить в мире, не тронь деревню, не пугай детей. Мы помним тебя и чтим.

Остальные перекрестились и повторили слова вслед за ним.

На мгновение всё замерло. Даже туман перестал колыхаться. Затем раздался тихий звук — не то вздох, не то смешок, будто кто-то усмехнулся в глубине чащи. Ветви деревьев зашевелились, хотя ветра не было. Листья зашелестели, складываясь в шёпот: «Недостаточно... Не то...»

— Смотрите! — прошептал Гришка, указывая на дары.

Хлеб начал чернеть на глазах, словно его пожирал невидимый огонь. Мёд в чаше вспенился, а потом свернулся в чёрные комки, источая гнилостный запах. Красная лента медленно сползла с камня и, извиваясь, как змея, уползла в кусты, скрываясь в зарослях папоротника.

— Не принял, — выдохнул кузнец Игнат, бледнея. — Плохо это.

В этот момент из леса донёлся звук — будто кто-то шёл по опавшим листьям. Но шаги были неровные: два коротких, один длинный, снова два коротких. Как будто существо передвигалось на трёх ногах, волоча что-то тяжёлое.

Мужчины обернулись. В тумане, всего в нескольких шагах от них, стояла высокая фигура. Она была сгорбленной, с длинными руками, свисающими почти до земли. Лицо скрывала тень, но глаза светились тусклым жёлтым светом, как гнилушки в ночном лесу, — не мигая, не отводя взгляда.

— Уходим, — хрипло приказал Пётр Ильич. — Быстро, но не бежим. Не поворачиваемся спиной.

Они отступали спиной вперёд, не отрывая взгляда от фигуры. Та не двигалась, только слегка покачивалась из стороны в сторону, будто прислушивалась к их дыханию. Когда они отошли на несколько шагов, существо подняло руку — длинную, неестественно тонкую, с пальцами, похожими на сучья, — и указало прямо на старосту.

Пётр Ильич почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Ему показалось, что в голове зазвучал не голос, а скорее ощущение — будто чьи-то ледяные пальцы скользнули по краю сознания, прощупывая мысли, запоминая их, оставляя после себя липкий след. В ушах зазвенело, и на мгновение он увидел не лес, а что-то другое: бесконечные ряды деревьев, тянувшихся в бесконечность, и между ними — тени, много теней, которые медленно поворачивались в его сторону, шепча его имя.

Он резко моргнул — видение исчезло. Фигура в тумане всё так же стояла и смотрела.

Как только они отошли подальше, туман позади них зашевелился, словно что-то огромное пробиралось сквозь него, ломая ветки. Слышно было, как трещат сучья, будто кто-то тащит что-то тяжёлое — или кого-то. Ветви хлестали по сторонам, будто существо злилось, что добыча ускользнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.